

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Хорст Герлах

В СИБИРСКИХ ЛАГЕРЯХ

ВОСПОМИНАНИЯ
НЕМЕЦКОГО ПЛЕННОГО

1945–1946

Хорст Герлах

**В сибирских лагерях.
Воспоминания немецкого
пленного. 1945-1946**

«Центрполиграф»

Герлах Х.

В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного.
1945-1946 / Х. Герлах — «Центрполиграф»,

В своей книге Хорст Герлах рассказывает, как он шестнадцатилетним юношей был взят в плен в конце Второй мировой войны советскими солдатами и отправлен в Сибирь. Герлах вспоминает о лагерной жизни, тяжелых работах на строительстве железной дороги, на торфяниках и в каменоломне, о переводах из одного лагеря в другой. Автор делится впечатлениями, оставшимися у него от России, и пишет о непростом послевоенном времени в разделенной Германии.

Содержание

Глава 1	5
Безвыходность	5
Ранние впечатления	6
Подготовка к обороне	7
Ситуация усложняется	8
Глава 2	9
Предчувствие	9
Дома пустеют	10
Взрывы и пожар	11
Ловушка	12
Глава 3	14
Захватчики	14
Долгая ночь	15
Лицом к лицу	16
Непрерывные угрозы	17
Глава 4	18
В оккупации	18
Жестокость	19
Продолжение кошмара	20
Глава 5	21
Немецкая стратегия	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хорст Герлах

В сибирских лагерях

Воспоминания немецкого пленного

1945–1946 гг

Глава 1

Безвыходность

Это не что иное, как настоящий кошмар; он заполнил собой все. Я чувствую за своей спиной дыхание смерти, сопровождаемое аккомпанементом безнадежных звуков.

Щелк-щелк-щелк; еще щелчок, еще и еще. Я сплю или все это происходит наяву? Холодный пот прошибает меня, возвращая в действительность. И снова я в обшарпанном кузове грузовика, который, грубо встряхивая, уносит меня куда-то в бездонную глубь России.

Я натягиваю на себя тонкое покрывало, которое, к счастью, имеется здесь, и пытаюсь заснуть. Но тщетно. Все конечности, все тело ломит от постоянного лежания или сидения в одной позе в течение всей поездки. Принять другое положение невозможно; слишком мало места.

Не пытаюсь устроиться поудобнее, я хочу провалиться в глубокий сон, который поможет мне забыться на какое-то время. Но даже в состоянии полудремы не всегда получается расслабиться, потому что в это время приходят тревожные сны. Мой мозг не способен адаптироваться к тому хаосу, который в настоящий момент окружает меня. В основном события, происходящие во сне, отражают реальность. Я вновь переживаю ужас последних недель; страх засел у меня в подсознании, глубоко укоренившись в нем.

Лежа в сгущающихся сумерках, я вспоминаю события последних дней войны. Проигранной войны и моей погибшей страны.

Я вижу все так отчетливо, будто это было только вчера. Даже теперь, спустя много лет, воспоминания еще свежи. Воспоминания о пережитой трагедии до сих пор порою мучают меня.

Ранние впечатления

С момента моего рождения, 5 февраля 1929 года, мой мир вращался вокруг нашей фермы и школы. Наша семья, а также помощники по хозяйству жили на ферме, располагавшейся возле деревни под названием Ноендорф-Хох, жители которой также занимались фермерством. Мой отец был довольно преуспевающим фермером, имевшим двести акров земли.

Во времена моего детства политики довели нашу страну до всем известной ситуации. Немецкий народ был полностью подвластен одному-единственному человеку в стране, нашему «мессии». Он за эти годы прошел путь от капрала до канцлера Третьего рейха.

Тогда то, что я вступил в гитлерюгенд, как и все остальные немецкие дети, было абсолютно естественным. Иногда нам немного наскучивали занятия по подготовке к дальнейшей военной службе. В свободное время мы, как все мальчишки, играли в безобидные игры, а вот нападать и держать оружие в руках было обязательной частью нашей школьной программы.

Я рос, но меня никак не впечатляла важность работы, которую я призван был выполнять. Мы вместе с остальными юношами послушно, как губка, впитывали в себя всю грязь, в какой-то мере до сих пор ощущая себя детьми, играющими в солдатиков. Единственное, что омрачало нашу жизнь, был дискомфорт, который мы вынуждены были терпеть, месяцами живя в палатках. Мыться приходилось в реке, а столом служила голая земля, и мы все время жаловались на неудобства.

Мы рано освоили военную дисциплину. «Равняйся! Смирно!» Эти команды даже и сейчас отчетливо звучат у меня в голове. Они проносились сквозь наш строй, стоявший под жарким августовским солнцем. И мы стояли вытянувшись по струнке, смотря перед собой, словно глядя в будущее. Шел 1944 год.

Трудоемкая работа, заключающаяся в копании траншей, была чуть ли не основной нашей деятельностью в период от четырнадцати до семнадцати лет. Это считалось уроком на выносливость – чтобы сделать из нас настоящих мужчин.

Победа, несомненно, должна была быть за нами. Вера в непобедимость немецкого народа являлась неотъемлемой частью нашей жизни. Тот факт, что русские перешли границу на востоке нашей страны, нисколько не тревожил нас. Как и первые распространившиеся слухи о близком конце.

Подготовка к обороне

Тот год ознаменовался началом крупных наступлений врага. Не помня себя от усталости, мы работали как проклятые много недель подряд, пока лето не подошло к концу. С приходом октября стало холодать. Мы мерзли, и рыть окопы становилось все сложнее; мы копали, а массы песка соскальзывали вниз, затрудняя работу. В конце концов мы додумались до того, чтобы сделать своеобразную облицовку, и стали укреплять стены траншеи, выкладывая в ряд молодые деревья. Этот способ оказался вполне подходящим. Но очень скоро в округе не осталось ни одной сосны, и метод перестал быть эффективным.

Состав нашего отряда был многонационален. Украинцы строили бункеры. Другой смешанный отряд состоял из латвийских эсэсовцев, венгров и захваченных в плен итальянцев – бывших зенитчиков. Все мы были задействованы в строительстве оборонительных сооружений против русских. Тогда мы были совсем еще мальчишками, и было трудно, но теперь я понимаю, что опыт тех дней позднее помог мне справиться с трудностями и выжить в непростых ситуациях. Детство закончилось быстро, и я рано усвоил, что значит преодолевать трудности и уметь приспосабливаться.

Мне был дан еще один шанс. Иногда мне кажется, что судьба порой водила меня по острию бритвы, как бы раздумывая, оставить меня жить или нет.

Меня воспитали нацисты. Вместе с остальными жителями Восточной Пруссии я стал одним из них. Переход к нацистскому режиму произошел постепенно. В основной своей массе люди недолюбливали партийное руководство по многим причинам. Эта антипатия повлекла за собой бесконечную череду шуток и слухов с негативным оттенком.

Навряд ли кто-нибудь знал тогда, что штабы Гитлера находятся совсем недалеко от Растенбурга в Восточной Пруссии. После событий, произошедших 20 июля 1944 года, его резиденция перестала быть засекреченной. Новости о покушении на убийство разлетелись моментально.

Женщины, дети и люди старшего возраста были сильно обеспокоены вторжением русских на немецкую территорию. Но мы гордились «чудесным оружием», которое было у немцев. Мы не сомневались, что наша работа по сооружению укреплений была совершенно ни к чему. Мы верили, что нашу страну ничто не в силах сломить, и в душе не сомневались, что русские никогда не приблизятся к тихому городку, находящемуся на западе Восточной Пруссии.

Ситуация усложняется

После неудавшейся попытки покушения на жизнь Гитлера он пожелал знать, что за чудесное провидение поспособствовало ему избежать смерти. Пытаясь убрать ненавистного вождя, полковник Штауфенберг пронес бомбу в его штаб.

Но похоже, обстоятельства складывались в пользу Гитлера. В день покушения в его бункере был запланирован ремонт, и потому он временно перебрался в другое здание. Взрывная волна разрушила легкий деревянный барак. Несколько офицеров погибли, но сам фюрер получил незначительные ранения. Мощная волна всего лишь подбросила дубовый стол, над которым он склонился в тот момент.

Люди не любили гитлеровских офицеров. Фашистский гаулейтер Эрих Кох, один из самых продажных чиновников рейха, присваивал ценности расстрелянных в 1935 году противников режима. Занимая свой пост, он сумел вволю воспользоваться своей природной жадностью. Бывший железнодорожник, он компенсировал отсутствие опыта тем, что обладал способностью хорошо говорить, а также претенциозными манерами. За время своей деятельности он снял нескольких хороших руководителей, поставив на их места полнейших дилетантов. Даже люди с криминальным прошлым были повышены в должностях. И единственным объяснением их назначения было то, что они заискивали и пресмыкались перед ним. Этот поступок явился фактическим предательством людского доверия. Назначенные подобным образом чиновники были просто не способны справиться с проблемами, возникавшими в ходе непредвиденных ситуаций.

Вскоре этот провал стал очевиден. В августе 1944 года столицу Восточной Пруссии Кенигсберг атаковали сразу двести британских бомбардировщиков, вслед за которыми последовала атака еще шестисот самолетов. Большая часть города была разрушена, 35 000 мирных жителей убиты, а еще 150 000 покинули свои дома. В несколько районов Восточной Германии вошли русские танки. Газеты пестрели тревожными статьями, в которых говорилось об убийствах и кровопролитии.

Размышляя, я понимал, с какими огромными трудностями нам предстоит столкнуться. Но в то же время я был измотан своей тяжелой работой, до сих пор продолжая рыть окопы.

Еще сложнее нам с ребятами стало с приходом холодов и дождей. О складывающейся ситуации нас вкратце информировали. Не оставалось сомнений, что нас ждет неумолимое наступление русских. Похоже, это было неизбежным; нам придется отбиваться до последнего.

Русские численно превосходили немецкие войска. В Восточной Пруссии это соотношение составляло один к десяти. Вера в нашу непобедимость ослабевала с каждым днем, и нас собрали в классной комнате для проведения инструктажа. Нашим учителем был майор, только что уволившийся из армии из-за ранений. Стоя перед классом, он готовился описать ситуацию, все как есть в действительности. Когда он заговорил, воцарилась тишина. Я чувствовал, как мой пульс начал учащенно биться в ожидании услышанного.

– Русские начинают наступление, – произнес он. – Они имеют значительное преимущество по численности, а также по оружию. – Он сделал паузу, хотя никто не прерывал его. – Русские, – продолжил он, – постепенно продвигаются. Наши солдаты бьются не на жизнь, а на смерть в этой войне. Давайте надеяться, что все закончится благополучно.

Глядя в окно, а не на нас, старый солдат, казалось, говорил эти слова самому себе.

– Ситуация очень серьезная, и я боюсь, как бы это не было началом конца. Но будем бороться.

Он пытался взбодрить нас, привнести оптимизм в наше хмурое настроение. Мое сердце ныло, предчувствуя беду.

Глава 2

Предчувствие

Слова майора звучали у меня в ушах, даже когда мы закончили свою работу и нас пустили по домам. Происходившее вокруг подтверждало то, о чем он говорил. С начала осени много беженцев двигалось на запад. Эти же люди раньше бежали на восток, ища спасения от бомбежек, проводимых американцами и англичанами. Сейчас они возвращались на запад Германии, так как русские наступали с противоположной стороны. В основном бежали женщины и дети, и этот поток увеличивался день ото дня.

Когда новости с передовой стали носить все более зловещий характер, наша семья и некоторые работники прекратили работу. Неожиданно повалил снег, а так как до этого стояла сырая погода, то лошади еще не были подкованы. Молочный фургон, ежедневно развозивший молоко с нашей и с соседних ферм деревни в город, внезапно прекратил свои поездки. Предполагая, что причиной этому послужил выпавший снег, мы с братом стали возить молоко на маслобойню на санях. Там-то мы и увидели солдат в камуфляжной форме с пулеметными лентами и ручными гранатами. При въезде в город стоял огромный танк. Увидев отлично экипированных военных, мое бешенство сменилось чувством спокойствия; солдаты были хорошо подготовлены, и казалось, победа будет за нами.

Не успели мы с братом вернуться домой, как отец дал нам другую работу. Я пошел к кузнецу, чтобы попросить его подковать лошадей, но оказалось, что он болен.

– Я не могу, потому что заболел, – ответил он на мою просьбу.

– А помощник? Где помощник? – поинтересовался я.

– Он не пришел на работу сегодня, – ответил мастер, покачав головой.

Я возвратился домой ни с чем. Отец становился все более раздраженным. Он решил, что нужно сесть на лошадь и поехать домой к помощнику кузнеца, который жил вместе со своими родителями в двух милях от нашей деревни. Это задание отец поручил мне.

Дома пустеют

Я скакал по проселочной тропинке, а затем вдоль дороги, где стоял казавшийся бесконечным поезд с беженцами. Около дома помощника я спрыгнул с лошади, привязал ее и негромко постучал в дверь. Ответа не последовало. Тогда я стукнул сильнее и снова остался без ответа. В конце концов я забарабанил в дверь что было мочи. Все без изменений. Затем я увидел, что дверь не заперта. Это показалось мне странным, и я тихонько вошел. Оглянувшись по сторонам, я никого не заметил; никого не было дома.

Выйдя на улицу, я постучался в несколько соседних домов. Результат был тот же. Никого не оказалось дома. На заднем дворе одного из домов я увидел лужу крови. Я остановился как вкопанный. И тут все стало понятно: жители этих домов в спешке резали свиней и покидали свои жилища. Ближайший дом помещика также стоял брошенным. Когда я медленно проходил по пустым комнатам, то не слышал ничего, кроме звука собственных шагов. Неприятное чувство заставило меня поспешить на улицу.

Я услышал мычание коров, доносившееся из стойла. Очевидно, их разбудил стук копыт моей лошади. «Коровы остались здесь? – задал я вопрос самому себе. – Логично, что убежавшие люди должны были уводить с собой скотину». Жалобное мычание продолжалось; животные просили есть. «Может, их покормить? – мелькнуло у меня в голове. – Нет, лучше ехать домой».

Я решил скакать без дороги через поля, чтобы быстрее добраться до места. Все время я оглядывался, не наблюдает ли за мной кто-нибудь. Но, увидев нетронутую ровную поверхность снежного поля, я успокоился, поняв, что после меня здесь никто не проезжал.

Дома все в спешке упаковывали вещи. Здесь царил полный беспорядок. Ковры, столовое серебро, посуда, картины и еда – все было подготовлено к отправке. По команде моего отца все в доме собирали пакеты и тюки.

Отец очень огорчился, когда я рассказал о своей поездке. Это означало, что лошади остаются неподкованными, а значит, наш отъезд переносится на неопределенное время из-за того, что на дорогах сильная гололедица.

Телефон не смолкал. Либо мы звонили соседям, либо они спрашивали нашего совета, либо возникали другие вопросы. В военных новостях сообщалось о том, что русские войска уже у Остероде, который находился всего лишь в шестидесяти километрах от нас. Но эта информация дошла до нас сутки назад, а это значило, что теперь они, скорее всего, были еще ближе. А может, они все же отступили тем временем? Может быть, у нас все-таки есть шанс? На эти вопросы мы жаждали знать ответ – от него зависели наши жизни.

Взрывы и пожар

С наступлением сумерек мы слышали взрывы вдалеке и подумали, что, возможно, это отступают наши. Беженцы, приехавшие на нашу ферму, собрав наспех свои пожитки, просили ночлега. Взрывы продолжали греметь. Небо на юге окрасилось в красный цвет. Не было сомнений, что это светится зарево пожара. Значило ли это, что русские уже находятся в Прусской Голландии, на территории, располагавшейся всего в двенадцати милях от нас? Пока мы не слышали стрельбу и взрывы гранат, а телефон продолжал звонить – значит, связь не была нарушена.

Спать мы легли не раздеваясь. Было непросто заснуть из-за мучительных мыслей и внутреннего напряжения, не дающего нервам расслабиться. На следующее утро солнце поднялось над горизонтом, заливая светом своих лучей снежный ландшафт. Толстый слой намерзшего снега висел на ветках деревьев и телефонных проводах.

На ферме жизнь продолжала идти своим чередом, все работало как обычно. После утренней дойки молоко разлили по бидонам. Но все усилия были бесполезны, потому что фургон так и не появился. Не зная, что предпринять, отец решил позвонить на маслобойню. Он поднял телефонную трубку, но телефонист не ответил. Связь не работала. Отец послал меня на телефонный узел, находившийся в километре от нас. Застегнув крепления на лыжах, я затопился. Снег скрипел подо мной, а в воздухе, каркая во все горло, кружила стая ворон. Когда я добрался до телефонного узла, то обнаружил, что там никого нет.

А тем временем уже стали слышны взрывы, раздающиеся с регулярными интервалами и, очевидно, где-то недалеко. Мне не терпелось узнать подробности. Я снова встал на лыжи и покатил по дороге, ведущей вверх. Наконец я добрался до места, где лишь небольшой холмик отделял меня от соседней деревни. Прошло немного времени, и меня озарило огненной вспышкой, а потом послышался грохот орудий. Я различил очертания танка, катившего словно привидение, с пушкой, направленной в сторону города.

«Должно быть, это русские! – подумал я. – А грохот орудий, раздающийся в ночи, похоже, исходит от танков, ведущих бой где-то неподалеку». Постепенно стрельба стала слышна только со стороны атакующих русских танков. Немецкие войска отступали. Позже, у своих товарищей по плену, я узнал, что мои предположения оказались верными. Повсюду валялись пустые снарядные гильзы.

Ловушка

И вновь вражеский танк, открывший огонь, прервал мои мысли. Он стоял как раз на пересечении нашей дороги с главной; таким образом получилось, что все наши пути к отступлению перекрыты. Бежать было слишком поздно. Ничего не оставалось, как повернуть в обратную сторону и возвращаться домой.

На обратном пути я снова проехал телефонный узел, откуда пытался позвонить. Там стояла полная неразбериха. Причиной хаоса были четыре немецких солдата, которые сбились с главной дороги и завязли в глубоких сугробах. Утомленные дорогой и ведомые страхом попасть в плен к врагу, они говорили, что русские уже вошли в центр Эльбинга и что нет сомнений в том, что мы окружены. Услышав такие разговоры, я скатился с холма и бросился к дому так быстро, как только мог.

По пути мне встретились несколько повозок. У уставших путешественников не было карты, они понятия не имели, где приблизительно находятся, они заблудились и ездили кругами по одному и тому же месту. На их лицах читалось отчаяние и безнадежность, когда я объяснял им ситуацию, рассказывая, что, похоже, русские уже захватили нас. Они проехали несколько сотен миль в надежде избежать плена и не попасть под обстрелы и огонь, но сейчас судьба одним безжалостным ударом уничтожила все их усилия.

Вернувшись обратно в свою деревню и рассказав о последних невеселых событиях, я обломил ту соломинку, до последнего служившую надеждой. В этом безграничном море разочарования оставался лишь один островок надежды – вера в то, что немецкие войска пойдут в контрнаступление. На нас с юго-востока шли дивизии русских танков. Ни пехота, ни артиллерия не сопровождала танки, а без них полный захват территории был невозможен.

Я не мог дольше оставаться дома. Будучи молодым, я жаждал новых приключений. На этот раз я решил отправиться в противоположную сторону. Прямо за нашей деревней находилось имение, которое сдавало в аренду ферму поменьше, располагавшуюся на шоссе. Около главной фермы я встретил сына хозяина. Поздоровавшись и обменявшись последними новостями, он рассказал мне, что русские заняли вторую ферму, выставив свою охрану. Мысль о том, что такое может произойти и с нами, бросила меня в дрожь.

Я повернул обратно и, чтобы не терять времени, решил срезать путь через поле. Тут я обнаружил следы на снегу. Возможно, их оставили спасающиеся бегством немецкие солдаты, и я пошел в их направлении, пока не наткнулся на старую шинель. Я поднял ее и, проверив карманы, из одного достал большую луковицу; здесь же лежала красноармейская звезда! Очевидно, солдат из армии Власова потерял шинель, которая могла вывалиться из его вещей, а может, специально выбросил из-за того, что было тяжело нести лишнюю громоздкую вещь. Несколько дней назад я как раз видел много отступающих солдат-власовцев. Эти солдаты являлись добровольцами, служившими в немецкой армии под командованием бывшего русского генерала Власова. Позднее он был взят в плен Красной армией и казнен за измену Родине.

Солдат, которому принадлежала шинель, должно быть, держал советскую звезду на случай, если ему снова придется вернуться в лагерь русских.

Я улыбнулся. Но сразу же вспомнил эмблему, которую носил на своей фуражке, обозначающую мою принадлежность к гитлеровским войскам. Я снял ее и положил себе в карман. Найденную звездочку я убрал туда же. С ухмылкой я подумал о том, что два значка, характеризующие диаметрально противоположные миры, нашли друг друга у меня в кармане.

Я вернулся домой к обеду, но ни у кого из нас не было аппетита. Все были в подавленном настроении. Немецкая пропаганда в прессе и на радио и даже свидетельства очевидцев готовили нас к тому, что скоро мы будем «освобождены». Мы со страхом ожидали этих русских «спасителей».

С тех пор как работники нашей фермы вместе с другими сельхозработчиками из соседних четырех деревень были призваны в фольксштурм, полувоенную организацию, образованную в конце войны, и отправлены в Эльбинг, нам пришлось самим по очереди ухаживать за скотом. Выполняя эту работу, я чувствовал себя немного легче. Здесь все было тихо и спокойно, и я даже радовался, что не вижу суматохи и беспокойства, которые угнетали меня.

Но это чувство облегчения длилось недолго. Жители соседних деревень приехали к нам и рассказали, что русские держат под контролем все и уже заняли здание почты. Вдобавок ко всему русские дали понять, что к вечеру займут и нашу деревню, а те, у кого найдут какое-либо оружие, будут расстреляны.

Мой отец выбросил свой армейский пистолет в снег за домом, а охотничьи ружья я спрята́л на крыше свинарника. Затем отец, уже знавший по опыту Первой и Второй мировой войны, как русские любят часы и ботинки, велел нам с братьями надеть их на себя, полагая, что солдаты не станут снимать ботинки у нас с ног.

Ближе к вечеру неожиданно над нашими головами раздался звук двигателей моторов. «Возможно, это наши истребители!» – подумал я. Мы выбежали из домов, глядя в небо. Девять мессершмиттов открыли огонь из пушек и сбросили бомбы на русские танки. Затем все самолеты заняли свои места в строю и, взяв курс на север, скрылись из вида.

Глава 3

Захватчики

«Русские идут!» Я не знаю, кто первый в диком страхе прокричал эти слова. Я еще не знал, что для нас, немцев, живущих на востоке Германии, они значили начало наступления бесконечно трудных времен.

«Русские идут!» Этот тревожный возглас оказался правдой. Очень медленно и осторожно к нам приближался русский, пока только один, держа перед собой винтовку. Он посматривал по сторонам, направляясь к нам. Пятнадцать пар глаз – моих родителей, братьев, наших работников – неотрывно следили за каждым его движением, выглядывая через занавески и дверные щели. Я невольно подумал о своих новеньких ботинках и о том, смогу ли я спрятать их. Я быстро обмотал их старыми грязными тряпками и бросил в грязь за домом.

Тем временем русский подошел ближе, приостановился, внимательно изучая местность, и приблизился еще на несколько шагов. Сначала он следовал в направлении нашего дома; потом замешкался, направился через двор к навесу, где стояла телега, и сел на нее.

Мама велела нам идти на конюшню и заняться делами. Возможно, тогда солдат подумает, что мы работники. Медленно я вышел из дома, стараясь идти как можно теснее прижимаясь к амбару и пытаясь не смотреть на солдата.

Но он увидел меня и крикнул что-то грубое, судя по интонации, и сделал знак, чтобы я подошел к нему. Рядом со мной никого не было, и мне ничего не оставалось, как подойти к нему.

Меня бросало то в жар, то в холод, спина вспотела, пока я шел к нему. Я понимал, что могу быть первым немцем из нашей деревни, застреленным абсолютно без причины. Но ничего такого не произошло.

Я недоверчиво посмотрел на русского. меховая шапка сползла с его головы. На нем была надета шинель длиной до колен, на поясе застегнут широкий кожаный ремень с изображением советской звезды на пряжке. Штаны были заправлены в грязные сапоги. Его лицо было типично монгольского типа, а из-под шапки выбивались черные волосы.

Левую руку русский держал в кармане, а правой наставлял на меня немецкий пистолет. На несколько мгновений мы замерли, в тишине глядя друг на друга. Затем он снова заговорил на непонятном мне языке, дико жестикулируя пистолетом. Некоторые слова, произносимые им, чем-то напоминали польский язык, который я немного знал, так как на нем разговаривали наши рабочие, приехавшие из Польши. Немного погодя до меня дошло, что русский спрашивает о сигаретах.

Я держал руки в карманах. В одном из них как раз лежала пачка сигарет, которые я совсем недавно нашел. Я кивнул, и русский велел отдать их ему.

Тем временем несколько человек с фермы подошли к нам. Среди них был украинский эмигрант, который заговорил с русским. Я воспользовался возможностью и ушел.

Долгая ночь

Наступила ночь. Вокруг все дрожало от несмолкаемого рева пушек и постоянных взрывов. Я и другие мальчики не хотели больше оставаться одни в своих комнатах и потому перебрались в спальню к родителям. Сейчас было неподходящее время для полноценного сна, и мы легли вздремнуть не раздеваясь. Отец задул керосиновую лампу, но даже в темноте мы долго не могли заснуть.

В смежной комнате лежали беженцы, остановившиеся в нашем доме, – старики и женщины помоложе, с маленькими детьми. Дети долго не могли уgomониться и бесперебойно болтали, никому не давая спать.

Наконец грохот орудий, раздававшийся снаружи, прекратился. Наступила такая тишина, что, кажется, можно было услышать, как снег падает на землю. Было ли это затишье перед бурей? Подозрительная тишина пугала больше, чем сами взрывы. Какое-то дурное предчувствие возникло в этой тишине, тревожное ощущение того, что вот-вот что-то должно произойти.

И вот неожиданно разразился гром! Такое ощущение, что палили разом из всех орудий, которые только существуют. Звуки стрельбы раздавались повсюду и постепенно становились все ближе! И снова миг тишины. И опять грохот! Теперь сюда добавились еще и голоса. Немцы? Русские? Затем входная дверь дома скрипнула. Кто-то прошел по кухне, а затем вошел в столовую. Вошедший издавал шаркающие звуки, как будто кто-то неуклюже крался ползком по полу. Наше любопытство возрастало с каждой минутой. Я весь дрожал с головы до ног. Казалось, что сейчас мои мозги лопнут от напряжения. Вспомнившиеся истории, которые я слышал о жестокости русских, не давали мне успокоиться.

Лицом к лицу

Луч света сочился сквозь замочную скважину двери в спальню. Что-то стукнуло в дверь, она приоткрылась, и свет резко осветил наши лица. В проеме сверкнул ствол пистолета. Свет фонаря сначала осветил стены и мебель, а затем остановился на наших лицах.

В полумраке я сумел разглядеть две меховые шапки с изображением советских звезд на них. Это были русские!

Мой отец немного понимал русский язык. Ему немного приходилось общаться с русскими еще в прошлую войну. Он отрицательно ответил на вопрос, когда русские спросили, есть ли в доме немецкие солдаты. Несмотря на его ответ, комнату все равно немедленно проверили. Русские посветили фонарями под кроватями, скинули покрывала и подушки. Один из них пристально посмотрел на моего брата, который был старше меня на два года. Меня также не оставили без внимания. Он никак не мог поверить, что мы не солдаты.

Мой брат родился в 1927 году и уже по возрасту подходил в солдаты. Но в 1944 году на работе он попал в аварию и сломал большую берцовую кость. Перелом был настолько серьезным, что врачи освободили его от воинской службы. А русские все не унимались и продолжали обыскивать остальной дом.

Мне не один раз пришлось объяснять русским на пальцах, что я еще не достиг даже шестнадцати лет. Позже я выучил необходимый минимум русских слов.

Единственное, что русские могли сказать по-немецки, это слово «часы». Они произносили его с сильным акцентом. Так вот, золотые карманные часы моего отца, лежавшие на его прикроватном столе, стали их первой добычей. Правда, на этом все закончилось и они перешли в соседнюю комнату, чтобы проверить, есть ли чем поживиться у наших постояльцев. Два непрошенных гостя скрылись за дверью так же внезапно, как и появились.

Наша первая встреча с русскими лицом к лицу завершилась, и я почувствовал облегчение. С нами ничего не случилось, не считая неприятного момента с часами отца; тревожное чувство немного отступило.

На какое-то время в доме снова воцарилась спокойная обстановка. Только во дворе не прекращалось шарканье тяжелых ботинок. Спустя час или два снова стало шумно. Одна за другой появились группы из двух-трех человек – все сильно пьяные. Лица одних светились радостью, другие, наоборот, были искажены злобой; здесь были и азиаты и русские, все двадцати – двадцати четырех лет. Некоторые чем-то напоминали медведей. И все хотели заполучить часы. И чем больше, тем лучше. Их бы, наверное, устроила тысяча часов. Складывалось впечатление, что русские мечтали обеспечить всю свою армию немецкими часами. Когда они спрашивали, есть ли часы, а мы отвечали, что больше нет, они угрожали нам, наставляя на нас свои наганы. Вели они себя довольно агрессивно. Потом они нашли ликер в гостиной, выпили его и принялись крушить все вокруг, обыскав весь дом. В одном из чуланов они отыскали форму, которую отец носил еще во времена Первой мировой войны. Несмотря на то, что прошло много лет, форма совсем не выцвела, и они подумали, что нашли немецкого генерала. Подняв отца из постели, они потащили его в гостиную и потребовали объяснений. С огромным трудом ему удалось убедить их, что эта форма лежит здесь давным-давно.

Непрерывные угрозы

Всю ту ночь мы находились у русских на мушке. Они заперли нас, а потом подошли другие и ругались, что двери закрыты. Вокруг не прекращалось какое-то движение, все вещи перетряхивались и просматривались: сундуки, ящики, коробки. Их содержимое выкидывалось на пол, и некоторые вещи забирались.

Под утро двое русских обнаружили погреб, заперли его, а ключи выбросили. Потом, когда пришла другая группа налетчиков и обнаружила дверь погреба запертой, она заподозрила опасность, которая может таиться там. Естественно, они подождали отца; он взломал топором замок, и перед тем, как спуститься вниз, они пустили перед собой автоматную очередь. Затем они велели отцу первым спуститься вниз, на тот случай, если кто-то прячется там и может неожиданно открыть стрельбу.

Тем временем, пересекая двор, к дому подъехали машины. Мы слышали шум и крики. А потом все стихло. Наступила гробовая тишина, ни звука. Затаив дыхание я прислушивался с волнением, пытаясь различить хоть какой-нибудь шорох. Но глухо. И тут неожиданно раздался чудовищный рев. Казалось, весь мир сейчас рухнет. Только свет от вспышек доходил до нас сквозь закрытые окна. Собравшись в кучку и тесно прижавшись друг к другу, мы смотрели. Я не понимал, сколько еще продлится этот ад, но казалось, этому кошмару не будет конца. Свистящий шум и вспышки не прекращались, а потом со стороны Эльбинга мы услышали мощные взрывы.¹

Мысленно я оказался в городе и увидел немецких солдат, атакующих противника. Мой отец, знающий толк в военном деле, и то не мог предположить, что это за оружие и как оно стреляет.

К середине ночи наши непрошенные гости были уже совсем в невменяемом состоянии. Они ходили, качаясь, размахивая пистолетами и винтовками, болтая с нами по несколько минут на русском языке, очевидно забыв, что мы ничего не понимаем. Отец научил нас, как будет по-русски «я не понимаю», и велел на любой вопрос отвечать так.

Несколько человек притащили проигрыватель в дом и, поставив его в соседней комнате, включили его на всю мощь. Казалось, несколько часов подряд мы вынуждены были слушать джазовую музыку, сопровождаемую пением пьяных русских. Все в доме было перевернуто вверх дном.

К четырем часам утра выпитый ликер все же свалил их с ног, и пьяные вопли прекратились. Наши так называемые «освободители» заснули мертвецки пьяными. В доме стоял страшный запах перегара. Это было отвратительно.

¹ Автор впервые услышал, как стреляют реактивные минометы. (Примеч. ред.)

Глава 4

В оккупации

В тревожной полудреме мы проспали до шести утра. Затем отец сказал, чтобы я встал и сходил за поляком, который работал у нас в коровнике. Мне очень не хотелось идти, потому что я все еще чувствовал страх, пережитый ночью. Но в конце концов я поднялся и надел пальто. Стояла темень, хоть глаз выколи. А что, если русские убьют меня? Аккуратно я прокрался через комнаты. В столовой спали трое солдат, уронив головы на стол. У каждого в одной руке были пистолеты, а в другой – по бутылке водки. На момент я остановился возле двери и прислушался, прежде чем осмелился идти дальше.

За домом возле пристроенной кухни стоял часовой. Похоже, он сторожил машины, заметенные снегом, стоявшие в двадцати метрах в стороне. Он не хотел выпускать меня, очевидно думая, что я немецкий солдат, переодевшийся в гражданскую одежду. И только после того, как я приложил невероятные усилия, чтобы объяснить, куда я иду, он пропустил меня. Правда, я до сих пор не уверен, понял ли он меня. Съежившись, я шел по сугробам. Мое внимание привлекли наши лыжи, разломанные на части и выброшенные в снег. Я прошел мимо разграбленных фургонов беженцев и их разбросанных повсюду вещей, которые разворошили солдаты Красной армии в поисках ценностей. Кровати, коробки, распоротые подушки – все валялось в снегу. А в разграбленных фургонах завывал холодный ветер.

В доме, где жила семья поляка, передо мной предстала та же самая картина. Пьяный русский солдат сидел на скамейке и спал, склонившись над своим автоматом. Поляки, которые так же, как и мы, совсем не спали в ту ночь, похоже, пережили похожий кошмар.

Пастух сказал мне, что он скоро пойдет в коровник; не дожидаясь его, я отправился один и принялся кормить животных. Постепенно, один за другим все местные жители собрались в коровнике. Многие слышали, что работать было безопаснее всего – русские уважали тех, кто трудится. И это предположение впоследствии оправдалось. Как только мы начали доить коров, появилась целая толпа русских, чтобы налить себе молока. Они шли, пока не забрали все молоко. Уж потом мы приспособились и научились хитрить, оставляя немного молока себе. Это было необходимо, так как среди наших беженцев было несколько малолетних детей. Когда я пошел к амбару за соломой, то увидел реактивные установки, те самые, которые стреляли всю ночь. Они назывались «сталинские органы» и могли выстреливать по 16 ракет за очень короткий промежуток времени.

В глубокой задумчивости побрел я в обратную сторону и по пути обнаружил стоявшие наготове повозки, приспособленные для нашего побега на запад. Здесь передо мной открылась все та же удручающая картина. Все было разграблено. Я поднял какие-то документы, валявшиеся в снегу и уже успевшие промокнуть, и понес их в дом. Это были наши банковские счета и другие ценные бумаги.

Жестокость

Немного погодя до нас дошли ужасающие новости о наших соседях. Один фермер, работавший начальником пожарной части в нашей деревне, собственноручно застрелил своего восьмидесятивосьмилетнего отца, а затем покончил жизнь самоубийством. Он не желал идти в плен. А над его женой и дочерью, так же как и над другими женщинами в деревне, русские надругались. Жена другого фермера, которую пытались изнасиловать, прыгнула в колодец, и ее крики скоро поглотила ледяная вода. Потом советские солдаты вытащили ее тело и бросили на навозную кучу. Чтобы избежать столь кошмарной участи, некоторые семьи заперлись в одной комнате и попытались отравиться газом. Кто-то из русских отнесся к ним с состраданием и попытался спасти их, выбив окна в доме, но к тому моменту они все уже были без сознания.

Одного двадцатипятилетнего мужчину, который был глухонемым, застрелили, посчитав, что он специально молчит, чтобы избежать участи пленного, а на самом деле является солдатом.

Жену нашего соседа также застрелили, а ее невестке удалось выпрыгнуть в окно с восьмидневным ребенком на руках и спрятаться в стоге соломы. Другая наша соседка умерла от разрыва сердца, когда на ее глазах убили старшего сына, а мужа и второго сына забрали в Россию. Еще одной соседке выстрелили в живот. Она умерла не сразу – еще долго мучилась, испытывая невероятные страдания. У нее осталось четверо детей. Один попал в плен к французам. Другой сумел убежать, но позднее русские все равно поймали его. Двух других, самых маленьких, приютили наши женщины, оставшиеся в живых. В семье нашего учителя не осталось никого. Один сын погиб где-то в Англии, другой – на Восточном фронте, а самого учителя и его жену угнали русские, и мы никогда больше не слышали о них. Похожая участь постигла и семью нашего бакалейщика. Родителей депортировали, один сын погиб в бою и лишь два сына остались в живых. В нашей деревне во всех семьях все мужья были либо убиты, либо взяты в плен. Только один чудом остался дома.

Часто русские солдаты отрывали детей от матерей и забирали их в лагерь. Многие умерли в дороге, а многие впоследствии дома, зараженные венерическими болезнями, которые дико распространились после нашествия наших «освободителей». Одна женщина, работавшая у нас, потеряла троих дочерей: одна умерла дома, а двух других переправили в концентрационный лагерь, находящийся в Уральских горах. Два моих дяди умерли в плену, а тетя утопилась в озере вместе с ребенком, не в силах больше терпеть издевательства.

Продолжение кошмара

Последующие дни и ночи наступивший кошмар не прекращался. Русские солдаты шли и шли, продолжая бесчинствовать. В промежутках между их налетами мы часто наблюдали за «сталинскими органами». Теперь мы поняли, как они стреляют. Перед тем как начиналась стрельба из них, солдаты начинали пронзительно кричать; позднее мы поняли: эти крики означали, что те, кому дорога жизнь, не должны подходить к установкам, пока идет стрельба. Пуск ракет осуществлялся дистанционно. Они производили страшный шум и сопровождалась огненным хвостом. Несколько минут спустя они были в воздухе, и каждый понимал, что их цель – достигнуть города. Я подозревал (и позднее солдаты подтвердили этот факт), что было очень непросто поразить конкретную мишень из такого рода оружия. Выпускаемые снаряды охватывали сразу широкую территорию, поэтому солдаты нервничали, не зная, куда попадет следующая ракета.

Спустя какое-то время обстановка стала поспокойнее. Казалось, русские выполнили самую необходимую часть своей миссии. Лишь несколько дезертиров пришли на нашу ферму за женщинами, часами и драгоценностями. «Партизаны», или, как мы называли их более подходящим словом, паразиты, были солдатами, сбежавшими из армии. У большинства из них отсутствовала совесть; они стреляли, куда им вздумается. Тем не менее, когда в деревне появился русский офицер, они сели на велосипеды и быстро сгинули, направившись дальше разорять дома, в которых и так уже почти ничего не осталось. За эти дни наш дом превратился в сточную канаву. Здесь воняло, как из выгребной ямы. Моя мать и некоторые девушки, работавшие у нас, отмывали его от погребка до крыши, чтобы сделать его снова пригодным для жилья.

Казалось, русские не могли нарадоваться, катаясь на велосипедах. В те дни это занятие так поглотило их, что стало чуть ли не их новым национальным видом спорта. Почти никто из них никогда не сидел на велосипеде раньше. Им было не важно, накачаны шины или спущены, главное, чтобы колеса крутились. За монгольскими солдатами наблюдать было смешнее всего. Они часами не слезали с велосипеда, взад и вперед катаясь по дороге.

Глава 5

Немецкая стратегия

4-я армия под командованием генерала Хоссбаха, являвшегося одним из выдающихся генералов немецкой армии, пыталась делать все, чтобы избежать попадания в окружение русских. Полковнику Шофнеру был дан приказ держать оборону Эльбинга. Он проделал блестящую работу. Мы отрыли траншеи вокруг города, но для такого рубежа обороны требовалось не менее трех дивизий, а полковник Шофнер не имел даже одной. Поэтому все, что он мог сделать, это поставить защитников на окраинах города. Позднее, в своем рапорте от 23 января, он написал: «Я получил телефонный звонок. Вражеские танки только что прошли армейские казармы и теперь движутся в центр города».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.